

ст. 35 нового закона об исполнительном производстве оговорки о возможности совершения исполнительных действий в нерабочие дни, а также в рабочие дни с 22 часов до 6 часов (здесь речь идет о случаях, не терпящих отлагательств, включая исполнение определений об обеспечении иска или, например, при обращении взыскания на имущество должника, подверженное быстрой порче). Ведь данная оговорка дает возможность проникнуть в жилое помещение ночью, пусть даже для этого необходимо письменное разрешение старшего судебного пристава и уведомление главного судебного пристава субъекта Российской Федерации.

Следует отметить, что прежний Закон позволял совершать исполнительные действия с 22 часов до 6 часов только в случаях, создающих угрозу жизни и здоровью граждан (ч. 3 ст. 12).

Временные ограничения на выезд из Российской Федерации. Новый закон об исполнительном производстве предоставил судебным приставам-исполнителям право (не во всех случаях) своим постановлением ограничивать выезд должника из России. Это постановление может быть вынесено как после неисполнения требования исполнительного документа в добровольном порядке в установленный срок, так и еще до установления приставам срока для добровольного удовлетворения требований исполнительного документа. Во всех случаях постановление пристава утверждается старшим судебным приставом.

Следует обратить внимание на то, что главное условие введения ограничения на выезд из России – невыполнение должником в установленный срок без уважительных причин требований, содержащихся в исполнительном документе. Полагаем, такая формулировка по своей формальности ничем не отличается от формулировки положения п. 1 ст. 81 прежнего Закона, который был признан неконституционным. На наш взгляд, полномочие приставов ограничивать выезд из России в целом является слишком полицейским.

Можно отметить и то, что новый Закон содержит технические ошибки. Например, в ст. 74 говорится о неких товариществах с дополнительной ответственностью, которые Гражданский кодекс Российской Федерации не предусматривает.

В заключение необходимо отметить следующее. На пресс-конференции, проходившей в здании Интерфакса, директор Федеральной службы судебных приставов – главный судебный пристав Российской Федерации Николай Александрович Винниченко сказал: «Нас часто упрекали в том, что служба судебных приставов в большей степени защищает интересы взыскателя, нежели должника. Теперь этот диссонанс ликвидирован».

Однако отмеченные выше недостатки нового Закона об исполнительном производстве вновь могут вызвать этот диссонанс, поставив под угрозу конституционные права и законные интересы должников и иных лиц, затрагиваемых исполнительным производством.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С АДМИНИСТРАТИВНЫМ РЕГУЛИРОВАНИЕМ ВНУТРЕННЕГО СОДЕРЖАНИЯ КУЛЬТОВОЙ ПРАКТИКИ

А. О. Тажин, старший преподаватель кафедры конституционного и гражданского права Карагандинского университета «Болашак»

Современная общественная жизнь России и других стран постсоветского пространства характеризуется резким подъемом религиозной активности. Это касается как крупных конфессий – православия, ислама, буддизма, иудаизма, так и более мелких религиозных групп и течений.

Конституция Российской Федерации в ст. 28¹ провозглашает в числе основных право на свободу совести, аналогичные нормы содержатся и в Конституциях других стран СНГ. Например, ст. 22 Конституции Республики Казахстан гласит: «Каждый имеет право на свободу совести»². Под свободой

¹ См.: Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.

² Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г.

совести, на наш взгляд, можно понимать право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Данное положение является попыткой синтеза точек зрения советского периода и современного российского законодательства.

Это конституционное положение в дальнейшем получает свое развитие в отраслевом, а более конкретно – в административном законодательстве, основным правовым актом которого является Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Без надлежащего административно-правового оформления трудно обеспечить надлежащее действие конституционной нормы, закрепляющей право на что-либо. Мы считаем, что данные нормативно-правовые акты однозначно имеют административно-правовую природу, поскольку нормы, их составляющие, в полной мере соответствуют требованиям, предъявляемым к административно-правовым нормам. Под административно-правовыми нормами мы можем понимать «установленные или санкционированные государством правила, регулирующие отношения, возникающие при формировании и деятельности исполнительной власти»³. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» гласит: «Федеральное Собрание Российской Федерации, подтверждая право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, а также на равенство перед законом независимо от отношения к религии и убеждений, основываясь на том, что Российская Федерация является светским государством, признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России, считая важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания, принимает настоящий Федеральный закон»⁴. Иначе говоря, данный закон принят в обеспечение конституционного права на свободу совести. Его нормы, такие, например, как ст. 9, посвященная созданию религиозной организации; ст. 11, регулирующая государственную регистрацию религиозных

организаций; ст. 12, регламентирующая отказ в государственной регистрации религиозной организации⁵, имеют административно-правовую природу. Таким образом, на наш взгляд, нельзя рассматривать правовые положения, регулирующие свободу совести в целом, в отрыве от административного законодательства, обеспечивающего и регулирующего данное конституционное право. Право свободы совести также нуждается в административно-правовом регулировании, поскольку без его поддержки в регулятивном смысле данное право способно породить различного рода негативные явления, связанные с религиозной деятельностью: экстремизм, религиозное изуверство, нарушение конституционных прав и свобод человека. Поэтому административно-правовое регулирование в данной области не просто желательно, а необходимо, поскольку оно представляет собой не только ограничения религиозной свободы, но и может носить позитивный характер, способствуя нормальному удовлетворению религиозных нужд граждан. Например, администрация г. Москвы вернула РПСЦ (Русской православной старообрядческой церкви) два храма в г. Москве⁶.

В настоящей работе автор предпринимает попытку рассмотрения такого аспекта административно-правового регулирования деятельности религиозных объединений, как регулирование внутреннего содержания культовой практики. Под внутренним содержанием согласно точке зрения Ю. А. Розенбаума⁷ понимаются богослужения, обряды и другие церемонии религиозного культа, осуществляемые его последователями в рамках своего вероучения. Эта сторона деятельности религиозных объединений освещается ст. 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Именно в этом вопросе возможна определенного рода коллизия между правом на свободу совести и требованиями, содержащимися в нормах отраслей права, в том числе и административного. Как правило, никакого возражения со стороны государственных органов не вызывает культовая практика общеизвестного типа, присущая основным конфессиям России: православию, исламу, буддизму, поэтому нам хотелось бы дать понятие традиционной и нетрадиционной культовой практики. Четкое определение данных понятий позволит создать своего рода образец, который может быть применен при осуществлении

³ Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник для вузов. – М.: Издательство НОРМА, 2000. – С. 31.

⁴ Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

⁵ Там же.

⁶ См.: Религиозная Россия // <http://www.sunhome.ru/journal/1533>.

⁷ См.: Розенбаум Ю. А. Советское государство и церковь. – М.: Наука, 1985. – С. 10-11.

государственного контроля за деятельностью религиозных объединений. Например, при обнаружении нетрадиционного содержания культовой практики можно будет ставить вопрос о необходимости более тщательной проверки деятельности данной организации с целью выяснения, не имеют ли место нарушения законодательства РФ при отправлении культа. Под традиционной культовой практикой мы предлагаем понимать комплекс обрядов, имеющих место в мировых и других известных религиях. Под нетрадиционной же культовой практикой мы можем понимать религиозные действия, не имеющие аналогов в мировых религиях, например употребление наркотиков (туземная американская церковь-пейот⁸; движение растафари, последователи которого есть и в России - потребление марихуаны), нанесение себе и другим телесных повреждений (скопцы в России⁹). При установлении подобного рода культовой практики мы можем говорить о нарушении в полной мере федерального законодательства, а именно положений, содержащихся в п. 2 ст. 3 Конституции Российской Федерации «Право на свободу совести и свободу вероисповедания», где говорится: «Право человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания может быть ограничено федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства»¹⁰.

В связи с этим мы предлагаем ввести в ст. 10 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» указание на требования, предъявляемые к уставу религиозной организации. В частности, в предписании «Религиозная организация действует на основании устава, который утверждается ее учредителями или централизован-

ной религиозной организацией и должен отвечать требованиям гражданского законодательства Российской Федерации» следует изъять слово «гражданского». Тем самым на данную редакцию ст. 10 будут распространены требования всех без исключения отраслей законодательства Российской Федерации, а не только гражданского, что представляется более правильным и полным.

В части 2 ст. 10 упомянутого закона содержится следующее предписание: «В уставе религиозной организации указываются: наименование, место нахождения, вид религиозной организации, вероисповедание и в случае принадлежности к существующей централизованной религиозной организации ее наименование; цели, задачи и основные формы деятельности; порядок создания и прекращения деятельности; структура организации, ее органы управления, порядок их формирования и компетенция; источники образования денежных средств и иного имущества организации; порядок внесения изменений и дополнений в устав; порядок распоряжения имуществом в случае прекращения деятельности; другие сведения, относящиеся к особенностям деятельности данной религиозной организации». Здесь мы предлагаем ввести после слов «основные формы деятельности» словосочетание «основное содержание внутренней культовой практики». Таким образом, полагаем, возможно усиление контролирующей роли уполномоченных на то государственных органов за деятельностью нетрадиционных религиозных объединений.

Реализация указанных предложений позволит, на наш взгляд, не нарушая конституционного права на свободу совести, более успешно контролировать его обеспечение, на практике выявляя и законно пресекая нарушения конституционных прав и свобод граждан.

⁸ Галлюциноген, добываемый из одного из кактусов. Употребляется во время религиозных церемоний туземной церковью. См.: <http://www.helpmedoc.ru/info.php?dir=1&pid=13&rid=141>.

⁹ См.: Клибанов А. И. Из мира религиозного сектантства. - М., 1974. - С. 22.

¹⁰ Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».